

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Без вины преступница
С первого взгляда	Пленная птица счастья
Второй подарок судьбы	Ничего личного, кроме боли
Зеленые глаза викинга	Заговор обреченных
Тайна, приносящая смерть	Узнай меня
Цвет мести – алый	Заповедник потерянных душ
Не доставайся никому!	Ангел мщения
Чужая жена – потемки	Первый шаг к пропасти
Возвращаться – плохая примета	Вкус запретного плода
Врачебная тайна	Исповедь обманутой жены
Призрак другой женщины	Свидетельницы зла
Тайну хранит звезда	Королева отшельников
Семь лепестков зла	Игры небожителей
Свидание на небесах	Грех с ароматом полыни
Ведьма отмщения	Кукла-любовь
Программа защиты любовниц	Позови ее по имени
Кинжал в постели	К северу от любви
Гнев влюбленной женщины	Пепел прошлого
Лучший день в году	Без крестной феи
Нирвана для чудовища	Псевдоним украденной жизни
Незнакомка с тысячью лиц	Цена откровения
Последнее прибежище негодяя	Конец игры с продолжением
Счастье с третьей попытки	Шоу семейных секретов
Подвенечный саван	В интересах личного дела
Заключение счастья	Правда персонального формата
Торговка счастьем	Простить нельзя помиловать
Амур с оптической винтовкой	Лабиринт простых сложностей
Мсть Спящей красавицы	Теория вероятного чуда
Демон ревности	Забавы мертвых душ
Преступно счастливая	Преступные игры гения
Изменница поневоле	Тайна за семью печалями
Закон сильной женщины	

ГАЛИНА РОМАНОВА

**ЧЕРТ ИЗ ТИХОГО
ОМУТА**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 **Черт из тихого омута** : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190933-8

Разве Соня Перова, девушка из хорошей семьи, могла предположить, что ее скромная персона привлечет внимание неведомого врага? А такой враг у Сони явно имеется: ее обвиняют в убийстве совершенно незнакомого человека. К тому же возлюбленный Сони ведет себя как-то странно — оказывается, он не только участник, но даже инициатор этих криминальных событий. Как жить, когда привычный мир рушится? Чем старательнее Соня пытается понять, что происходит, тем сильнее запутывается. Неужели ей так и не доведется узнать, кто все это подстроил?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190933-8

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

У Софьи Перовой имелось три жизненно важных правила, которым она никогда и ни при каких обстоятельствах не изменяла.

Первое правило — вынесенное ею из детства вместе с колыбельной и сказками про Карлсона: никогда не разговаривать с незнакомцами.

Правило второе — очень удачно помогающее ей избегать проблемных ситуаций в жизни: никогда не совать нос в чужие дела.

И правило третье — очень плавно вытекающее из первых двух: никогда и ни при каких обстоятельствах не позволять навязывать себе ненужных ситуаций.

Руководствуясь этими правилами, Софья Перова беспроblemно дожила до двадцати четырех лет и через неделю готовилась встретить свое двадцатипятилетие.

— Сонечка, нужно купить еще майонеза! — беспокоилась ее мама, Вера Ивановна Перова, детский врач их районной поликлиники. — Вдруг Стуколовы нагрянут... И сыра мало, кажется. Ты как думаешь, детка?

Детка никак не думала. Детка была абсолютно и безмятежно счастлива в лоне любящей ее семьи.

Она знала, что мама сделает все правильно. Папа ей поможет. И первого ноября — в день ее рождения — стол будет ломиться от яств. И гостей будет полон дом. И будет много подарков и искренних теплых слов в ее адрес. А потом они останутся втроем: она, мама и папа. Будут долго разбирать подарки. Потом начнут убирать со стола. Папа расставит тарелки в посудомоечной машине — его подарок маме к годовщине их свадьбы. А Соня с мамой накроют свое собственное застолье не в гостиной, а уже в кухне.

Они рассядутся каждый на свое место. Папа в самый угол, под кашпо с пышными гроздьями полосатой традесканции. Мама рядом с ним. А Соня напротив них, таких родных и любящих друг друга, и прежде всего ее — свою единственную дочку. Они будут пить чай с оставшимся от торжества тортом и долго и мило беседовать.

И Соне будет так хорошо, тепло и уютно с ними рядом. Так мирно и надежно, что захочется сладко замурлыкать, уткнувшись в их родные плечи. У нее, кстати, с раннего детства ощущение счастья было именно таким: теплым и уютным. Все свои двадцать пять неполных лет она прожила, укрывшись родительской заботой и любовью, словно огромным пуховым одеялом, из-под которого не хочется высовывать нос ни при каких обстоятельствах...

Все это будет уже через семь дней. Пять дней рабочих и два выходных. И в следующий понедельник... Уже в следующий...

— Перова! — визгливый голос Татьяны Ребриковой, старшего программиста из отдела АСУП, вывел Соню из благостных мечтаний. — Что там с компьютером из материального отдела? У них сро-

ки по квартальному отчету летят ко всем чертям, а ты в окно таращишься! Чего ты там всякий раз находишь интересного, не пойму!

Где ей было понять — взнузданной жизненными проблемами тетке в потном измятом форменном халате — правильную и нежную Софью Перову! И не увидит она никогда за окном того, что видит Софья. Потому что мысли ее постоянно заняты тем, как не опоздать сегодняшним вечером на электричку, а перед этим успеть обежать все магазины, заскочить к больной матери и оставить ей продуктов на день-другой. А потом тащиться еще километров сорок в переполненном вагоне и выходить в темную осеннюю слякоть с сумками наперевес. Притащить затем их в свой крохотный домик в пригородном поселке и тут же кидаться к плите, и начинать стряпать ужин на сегодня и завтрак с обедом на следующий день для мужа и сыновей...

Нет, такие женщины никогда не увидят в нежном трепете последнего кленового листа за окном ничего романтического. Скорее посетуют на то, что сейчас этот самый лист сорвется с озябшей ветки и непременно прилипнет к окну и останется там до заморозков. А потом тут же забудут о нем, с головой окунувшись в рутину повседневных дел.

Софья Перова никогда не позволит жизни совершить с собой подобные метаморфозы. Она не станет делать химических завивок, как Татьяна Ребрикова, и никогда не будет носить измятый, пахнущий потом халат, потому что так удобно и не требуется дополнительных усилий на то, чтобы выглядеть прилично. Она не станет носить с собой в сумке бутербродов с домашним салом и колбасой и вонять ими потом на весь кабинет. И уж, конечно

же, она никогда не выйдет замуж за такого неудачника, как муж Татьяны.

Самого его Соня никогда не видела, но наслышана была предостаточно. И то, что девушка слышала, ее страшно изумляло. Нет, ее избранник не будет вынужден искать работу по полгода, а потом тут же увольняться только из-за того, что кому-то не понравились его старые нечищенные ботинки. И уж, конечно же, ее будущий супруг не позволит ей жить в таком захолустном местечке и в таких условиях, в которые загнал свою семью муж Татьяны Ребриковой.

Вообще-то Соня против своей начальницы ничего такого не имела. Просто достаточно часто соприкасалась с ней в процессе своей трудовой деятельности, гораздо чаще, чем с другими женщинами в их управлении, потому и внимание ее акцентировалось исключительно на ней. А что до других... До других ей просто-напросто не было дела. В предпраздничных вечеринках она участия никогда не принимала, поспешая домой к маминым пирогам и душевным папиным беседам. На откровенные ухаживания коллег по работе она недоуменно пожимала плечами. А для того, чтобы с кем-то сблизиться просто на дружеской ноте, у нее не хватало ни времени, ни желания.

— Софья! — голос начальницы ударил по барабанным перепонкам. — Иди сюда немедленно!

Перова выбралась из своего рабочего закутка и, красиво переступая аккуратными ступнями в дорожных, ручной работы ботиночках, поспешила на зов.

— Если звонят из материального, то скажите, что у меня все готово, — поспешила опередить

Татьяну Ребрикову Соня, покорно склоняя голову к правому плечу. — Уже несусь.

— Хорошо, хорошо, — Татьяна замахала нетерпеливо в ее сторону кипой каких-то бумаг. — Черт знает что! Никому ничего поручить нельзя! А я двухильная, что ли? Ты бы хоть напомнила мне...

Соня была девушкой глазастой и в бумагах без труда узнала оплаченные счета за новое оборудование для компьютерного зала, который собирались запустить в эксплуатацию к Новому году. Она к тому же еще была и сообразительной девушкой, поэтому также с лету поняла, что у ее начальницы за проблема.

Проблема заключалась в рассеянности Татьяны. И скорее даже не в рассеянности, а в ее внутреннем неприятии нудной возни с различными бумажками. Программистом Татьяна была от бога, а вот делопроизводителем — никаким. Видимо, счета были принесены из канцелярии еще на прошлой неделе. И были положены ей на стол, где и пролежали невостребованными несколько дней. Сегодня, очевидно, вопрос об оборудовании, так и не полученном со склада, был поднят на селекторном совещании, и Татьяна опомнилась.

— Сонька, что делать будем? — Ребрикова указала ей на стул сбоку от своего стола. — Сядь, не стой столбом. И давай покумекаем, что можно придумать...

Придумывать особенно было нечего. За оборудованием нужно было ехать и получать его со склада уже через неделю. То есть...

— Да, да, именно первого числа! — снова повысила голос Татьяна, заметив растерянность своей подчиненной. — В понедельник. Так что подбивай

на этой неделе все свои дела. Подчищай все хвосты. И в понедельник двинешь в командировку.

От того, какой горечью мгновенно зашло сердце Сони Перовой, она едва не расплакалась.

Как первого?! Как в понедельник?! У нее же... У нее же юбилей! Это же кощунственно — посылать человека за двести с лишним верст за покупкой оборудования именно в такой день. Пусть едет кто-нибудь другой!

— Кто, например? — Ребрикова раздраженно задвигала ящиками стола. — Все, кто может ехать, уже уехали, и, между прочим, гораздо дальше, чем предстоит тебе. Выедете пораньше, там вас уже будут ждать. Чем оперативнее сработаете, тем быстрее вернетесь. Никуда твой юбилей не денется. Вот радость какая: на год старше стала! Морщин только прибавится...

Что ей можно было объяснить — этой запрограммированной на собственный быт женщине?! Что могла она понять, кроме того, что на субботу у нее намечается грандиозная стирка, а погода, кажется, портится. И брюки ее мальчишек ни за что не просохнут к понедельнику...

Нет, Соня не станет ей ничего объяснять. Потому что Ребрикова все равно ничего не поймет. Между ее и Сониным понятием о счастье и домашнем уюте лежит целая пропасть.

— Слышишь, Перова, — устало окликнула ее начальница, когда Соня уже почти скрылась за дверью. — Ты это... Не переживай так шибко. Там быстро все делается. Если рано уедете, то вернетесь раньше, чем рабочий день закончится. А я тебе доплату в этом месяце проведу, рублей четыреста.

И командировочные получишь... Надо, Сонька, пойми.

Когда Ребрикова начинала говорить таким вот извиняющимся тоном, Соне Перовой всегда становилось неловко.

— Надо — значит, надо, — покорно кивнула Соня. — Вы мне только подробнее расскажите все и телефонами контактными снабдите, чтобы мне там не быть слепым котенком.

— А, ладно, это все ерунда по сравнению с мировой революцией, — беспечно махнула рукой Татьяна и некрасиво заткнула за уши выжженные химической завивкой пряди волос. — У нас впереди целая неделя. Будет еще время для подробного разговора. А сейчас — бегом в материальный отдел. Мне Самохин уже всю плешь проел с самого утра. Не стой столбом, Сонька! Бегом!..

Перова упорхнула из кабинета начальницы и уже через пять минут втаскивала в кабинет материального отдела бухгалтерии отремонтированный процессор.

— Наконец-то! — старший бухгалтер-ревизор Самохин Володя подскочил со своего места и колбком подкатился к Соне. — Давайте-ка сюда, до рогуша. Я сам его пристрою, где мне удобно. А вы уж потом подключите все свои провода...

Манипуляции с процессором заняли минут пять, не больше. Но и этого времени Соне хватило, чтобы почувствовать себя абсолютно раздетой, выпотрошенной и разложенной по полочкам.

Ох, как не любила она бывать в этом отделе! Единственный кабинет из двадцати трех, где она не любила бывать. А все из-за этой белокурой нимфы с томным скучающим взглядом, сидевшей по пра-

вую руку от Самохина. Все из-за нее! Единственная из пяти обитателей кабинета, под чьим взглядом Соне становилось нехорошо.

Кажется, ее звали Ольга. Точно, Ольга Ветрова. Перова однажды наткнулась в базе данных на ее личное дело. Она тогда как раз занималась компьютером в отделе кадров. Тот сбоил безбожно. Соне пришлось над ним изрядно попотеть. А потом еще полдня гонять его на предмет усвояемости вживленных деталей. Тогда-то ей и попалось на глаза личное дело Ольги Ветровой.

Ольге было тридцать пять лет. Она имела высшее хореографическое образование, мужа — инженера-конструктора, сына-подростка и младшую дочку. Еще она имела два года танцевального стажа в одном из столичных театров. Годичную стажировку во Франции. Потом был длительный перерыв в записях в трудовой книжке, и возобновились они лишь год назад, когда Ольга устроилась бухгалтером-ревизором в их фирму.

Соня тогда, помнится, подивилась жизненным перипетиям этой женщины. Такое красивое многообещающее начало — и такой прозаический финал! Но потом почти сразу же забыла об этом, окупившись в гушу трудовых будней.

Ольга сама напомнила о себе, причем совсем недавно. Как раз тогда у них полетел компьютер, и Соня была вынуждена полдня проторчать в их кабинете. Ветрова тогда перешагнула все возможные пределы, наплевав на правила хорошего тона.

- Что у тебя за духи?..
- Каким лосьоном для лица ты пользуешься?..
- А джинсы у тебя чьи?..
- Надо же... Как ты ухитришься сохранять в

таким порядке свой маникюр, копаясь в этих отвратительных железках?..

Это был лишь самый малый перечень вопросов, которыми Ольга Ветрова забросала бедную Сою. И если учесть, что до сего времени они даже не здоровались, сталкиваясь в коридоре или на лестнице, то подобное любопытство выглядело более чем странным. И это в присутствии еще четырех человек, трое из которых были мужчинами...

— Соня, Соня, — не удержалась-таки Ольга от реплики, когда Перова уже почти скрылась за дверью их кабинета. — Никак тебя не пойму...

Перова была девушкой вежливой и приостановилась, сочтя, что выйти из кабинета, не дослушав, будет некрасиво. Она чуть повернула голову в сторону стола, за которым королевой восседала Ветрова, и вопросительно уставилась в ее холодные, изумительной голубизны глаза.

— Зачем такой очаровательной девушке возиться с грубыми железками? Понятно было бы, если бы ты нуждалась, но...

— Но что? — рассеянно поинтересовался Володя Самохин, колдуя над клавиатурой и не поднимая глаз на женщин.

— А то! — фыркнула Ветрова, выдвигая из-за стола шикарнейшей длины ноги профессиональной танцовщицы и грациозно закидывая их одна на другую. — Что ее зарплаты на ботинки ручной работы вряд ли хватит. Да и свитерок, смотрю, из исландской шерсти. Я не ошиблась, Соня?

— Нет, — Перова пожала плечами, недоумевающая, что же все-таки эта женщина от нее хочет. — Папа привез, именно оттуда.

— А что же при таком папе наша милая Соня

делает здесь? — красивые губы Ольги нервно дернулись в уголках.

— В настоящий момент слушаю вас, — вежливо ответила Соня, чувствуя себя словно на лобном месте под взглядами бухгалтеров, коллег Ветровой.

— Ну-ну, — длинные ноги поменялись местами, и точеная ступня в туфле на высоком каблук начала тихонько покачиваться.

— Слушай, Ольга, — вступился тут за Перову один из ее коллег, звали его Геной, и он пару раз напрашивался к Соне в провожатые, но был безжалостно отвергнут и попыток больше не повторял. — Отстань ты от человека. Каждый волен заниматься тем, чем он хочет. Ты вон тоже здесь не по доброй воле сидишь...

Соня посмотрела на Гену с благодарностью, граничащей с многообещающим теплом, и в образовавшуюся паузу поспешила улизнуть из кабинета материального отдела бухгалтерии.

Скорее бы домой! В тепло и уют их милой квартиры. Где всегда вкусно пахнет жареным мясом и свежими бисквитами. Где можно забраться с книжкой под любимый клетчатый плед в своей комнате. И читать. И ни о чем не думать: ни о Ветровой, ни о ее необъяснимых колкостях. Ни о том, почему же Соня в самом деле выбрала эту профессию. Просто сидеть, укрывшись пледом, и перелистывать страницу за страницей. Погружаться в выдуманный красивый мир, лишь совсем немного похожий на тот, в котором она сейчас жила, и ни о чем таком не думать. И еще немножечко мечтать. Мечтать, совсем чуть-чуть, о несбыточном и совсем чуть-чуть — о запретном...

— Перова!

Господи! Ну почему сегодня всем что-то от нее нужно?! Почему именно сегодня — в понедельник?! Начало дня ознаменовало себя неприятным известием о грядущей командировке. Потом эта Ветрова. Теперь как следствие Гена...

Соня остановилась, приваливаясь плечом к стене коридора, и с плохо скрытым неудовольствием наблюдала за тем, как Гена осторожно движется в ее направлении.

Гена шел, выверяя каждый свой шаг. Девушке на какое-то мгновение стало даже жаль его. Такой высокий, крепкий, с претензией на то, чтобы считаться привлекательным, а уже инвалид. Кто-то еще в самом начале ее трудовой деятельности в этой фирме доверительным шепотом сообщил ей, что Гена пострадал в результате несчастного случая и со здоровьем у него не очень-то. Так что такой молодой перспективной девушке не нужно бы увлекаться всякими чудачками, прозябающими в их бухгалтерии. Ну и все такое прочее... Соня в подобные доброжелательные напутствия вслушивалась невнимательно, считая Гену из бухгалтерии героем не своего романа. И не в его инвалидности было дело, а в том, что...

Гена не дал ей додумать до конца эту мудрую мысль.

— Соня, — он подошел почти вплотную к ней и несколько минут молчал, пытаясь восстановить дыхание. — Ты не очень расстроилась из-за Ольги?

— Нет, что ты, — поспешила девушка его успокоить, и все еще надеясь избавить себя от беседы с ним. — Все в порядке.

— В самом деле? А мне показалось...

Его темно-карие, почти черные глаза смотрели

на нее... так странно, так пронзительно, что Соне сделалось нехорошо. Почему он окликнул ее? Зачем поспешил догнать? Что ему от нее нужно? Что может означать этот взгляд, трудно поддающийся объяснению?

— Все в порядке, — как можно тверже повторила Соня и совсем уже было собралась уйти, как Гена вдруг схватил ее за локоть и крепко сжал. — Гена! В чем дело?

Он молчал. Его глаза все с тем же напряжением исследовали ее лицо и прическу. Затем взгляд медленно пополз вниз и, задержавшись какое-то время на ее груди, вновь вернулся к изучению ее лица. И при этом он продолжал молчать и цепко удерживать ее руку в своих крепко стиснутых пальцах.

Вначале Соня опешила, потом разозлилась, а где-то минуты через три ее начал пробирать страх. Но вырваться и грубить ему прямо здесь — в коридоре — она не могла. Во-первых, не позволяло воспитание, а во-вторых... во-вторых, ее вдруг разоблало любопытство. Определить природу его возникновения Соня затруднилась бы. Может быть, оно было разбужено страхом? Может быть, причиной тому был странный взгляд Гены? Но ей вдруг стало интересно: что будет дальше?

— Итак, Гена... — вкрадчиво-ласковым тоном обратилась к нему Соня. — Ты что-то хотел?

— Да, — севшим голосом пробормотал он и для убедительности кивнул головой. — Хотел... Я хотел бы встретиться с тобой.

Тут он внезапно замолчал, словно споткнулся обо что-то. Несколько ослабил хватку и даже, кажется, попробовал погладить ее ноющий локоть. Получилось неубедительно и малоощутимо, пото-

му что на Соне был толстый шерстяной свитер, а сверху еще и рабочая куртка. Но не это было важным, а то, что сказал Гена после паузы. Это настолько смутило бедную Соню Перову, что поначалу она даже не нашлась, что ему ответить.

— Я хотел бы встретиться с тобой у себя дома и уже никогда, никогда не расставаться... — заговорил Гена быстро-быстро, словно боялся, что она сейчас перебьет его и тогда он непременно спутает все слова. — Хотел бы, чтобы ты была матерью моих детей. Чтобы мы вместе с тобой катали детскую коляску и говорили без умолку. Нет, чтобы говорила все время ты, а я бы слушал твою милую болтовню и был бы бесконечно счастлив от того, что ты рядом, Соня... Ты удивлена, я знаю. Но мне понадобилось слишком много времени для того, чтобы решиться сказать тебе об этом. И я также знаю, что никогда не повторю этого больше. И еще я знаю, что ты ответишь мне «нет»... Поэтому, я прошу тебя, молчи! Ради всего святого, молчи! Просто прими это к сведению... Знай, что есть на свете один чудак, которому небезразлично, почему ты грустишь и редко смеешься. И который все отдаст на свете, чтобы ты была счастлива. А сейчас уходи! И, пожалуйста, не смотри на меня так!

— Как? — только и могла выговорить Соня, потому что и сама не знала, как она сейчас на него смотрит.

— Как на сумасшедшего, — кивнул он, словно заранее соглашался с ее диагнозом, который же сам за нее себе и поставил. — Уходи, Соня, я сейчас противен даже самому себе, что уж говорить о тебе... Уходи!

Она покорно заспешила к двери своего кабинета

та, до которого было чуть больше пяти метров. Но потом все то же любопытство заставило ее остановиться и, вытягивая из непонятно каких глубин странное, не свойственное ей кокетство, проговорить:

— А... тебе даже неинтересно, что я обо всем этом думаю?

Гена не стал ей отвечать. Повернулся и, уже совершенно не заботясь о своей походке, пошел прочь. Он сильно припадал на левую ногу, но странное дело — Соне это не казалось неприятным. Как раз наоборот, когда он шел ей навстречу и выверял каждый шаг, осторожно ступая на правую и затем медленно вынося вперед левую ногу, он казался ей более неловким. Сейчас же все изменилось. И его походка, и ее отношение к нему.

Соня смотрела сейчас вслед высокому темно-волосому парню с таким настойчивым горящим взглядом и размышляла.

Изменилось ли что-нибудь для нее после его признания? Пожалуй, что нет. Хотя... Хотя, если уж быть до конца откровенной с самой собой, ей было приятно. Гена был симпатичным, аккуратным, перспективным в плане профессионального роста молодым человеком, и если бы не его увечье, то отбоя от претенденток на место рядом с ним у парня, несомненно, не было бы. И опять же не само увечье было причиной, а то, из-за чего он его получил.

Муссировались четыре версии. Первой и самой достоверной называлась автомобильная авария. Потом следовало участие в боевых операциях в горячих точках. Некоторые склонялись к версии ревнивого мужа, заставшего свою жену в объятиях Ген-

надия. И пару раз обсуждалась какая-то давняя и страшная история об ограблении банка и захвате заложников. В какой роли в этой истории выступал пострадавший Гена, не говорилось. Но слухи периодически вспыхивали с новой силой и обрастали все новыми и новыми подробностями, заставлявшими благовоспитанных девиц, к коим себя причисляла и Софья Перова, держаться от Гены подальше.

И вот вдруг ни с того ни с сего он тискает ее локоть в коридоре и в самых неприемлемых формах делает ей... предложение!

По представлениям Сони, это должно происходить совсем иначе и в другом месте. Как именно, она пока не знала. Но что иначе — она не сомневалась.

Она дождалась, когда дверь материального отдела бухгалтерии с силой хлопнула о притолоку, и только потом пошла в свой кабинет. Пытаться сейчас работать и уж тем более делать вид, что ничего не произошло, она не могла. Быстро схватила с подноса чайник и чью-то чашку и выпорхнула в туалет. Там она долго полоскала эту чашку, недоумевая по поводу того, зачем она ее взяла, а не прошла еще два метра за своей. Потом еще дольше намывала чайник и полоскала фильтр. Налила воду до нужной отметки. Поставила чайник на подставку рядом с умывальником и лишь тогда осмелилась посмотретья в зеркало.

Почему она? Почему не кто-нибудь другой, не Ольга Ветрова, например? При репутации Гены роман с такой дивой пошел бы ему в плюс. А Ольга, по Сониным представлениям, только того и ждала. Пару раз Соня ловила напряженный взгляд Ольги,

зафиксированный на Генкиной переносице. И все сплетни выходили только из их кабинета. Почему он предпочел любовь такой искушенной красивой дамы неумелым «бледно-розовым» чувствам Софьи Перовой? Нет ли тут подвоха?

Нет, эту мысль Соня отогнала сразу. Слишком взволнованным и подавленным выглядел Гена в момент своего спонтанного признания. Заподозрить его в сговоре с Ветровой было бы кощунством. Он и ответа от Сони никакого не потребовал. Просто выговорился и ушел. А она теперь стоит, пялится на свою физиономию в зеркале и пытается понять — каково это, быть кем-то любимой? Любимой до такой степени, чтобы желать оставаться вместе всю оставшуюся жизнь?..

Это было первое и самое необычное предложение руки и сердца! У Сони и раньше случались свидания и романы, но до подобного признания дело никогда не доходило. Да и чувств, подобных Генкиным, она не наблюдала ни в одном из своих воздыхателей.

Кто-то провожал ее из школы, кто-то — из института. Несколько раз случались ночевки у друзей на даче. Там много выпивали, курили, танцевали до потери сил и сознания. Ближе к утру разбредались по комнатам. И дачные домики оглашались скрипом кроватей и стонами подвыпившей молодежи. Соня Перова, так же как и все, уединялась с каким-нибудь Сашей или Вовой, в зависимости от того, с кем приезжала. Они без сил падали на кровать и до одурения и темноты в глазах целовались, но дальше поцелуев дело никогда не шло. Соня в этом вопросе была непреклонной.

— Ты просто садистка, Сонька! — стонали пар-